

УДК 82-1 (Художественная литература. Литературоведение. Поэзия. Стихи, оды, поэмы, баллады и т.д.)

ИСТОРИЯ РОДНОГО ГОРОДА КАК МАКРОСЮЖЕТ ЦИКЛА Б. ШАХОВСКОГО В «СТИХИ ОБ АСТРАХАНИ»

© 2023 А.А. Боровская

*Боровская Анна Александровна, доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры литературы*

E-mail: borovskaya-anna@bk.ru

*Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева
Астрахань, Россия*

Статья поступила в редакцию 29.04.2023

Объектом исследования являются константные элементы городского пространства в цикле Б. Шаховского «Стихи об Астрахани». В статье рассматриваются основные сигнатуры Астраханского текста, которые формируют сюжет сверхжанрового единства. Ключевые образы и мотивы цикла не только отражают топографию столицы Прикаспия, ее биогеографические, культурные особенности и архитектурный облик, но и раскрывают семиотический потенциал города, объединяющего два типа хронотопа – воды / реки и пустыни. В основу макросюжета легли народные легенды и представления об Астрахани как пограничного пространства. Особую роль в динамике лирического повествовании играют исторические метаморфозы, определяющие изменения образа родного для поэта края в контексте деструктивной и креативной советской мифологии. Мотив пути выполняет структурообразующую функцию в тексте Б. Шаховского. Архитектоника текста подчинена принципу со- противопоставления двух временных планов – прошлого и настоящего. Смена субъектов речи в стихотворениях цикла, движение от нейтрального к «я»- и «мы»-повествованию обусловлены сопряжением двух сюжетных линий: исторической и биографической. Методология исследования предполагает сочетание семиотического и структурного подходов к тексту, приемов мотивного, интертекстуального и мифопоэтического анализа.

Ключевые слова: макросюжет, Б. Шаховский, цикл, Астраханский текст, семиотика, локальный свертхтекст, миф, архитектоника, композиция, образ, мотив, топос

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-92-72-78

EDN: OAOFVJ

Введение. В последние десятилетия исследование провинциального текста в русской и областной литературе становится одним из приоритетных направлений в области семиотики. Однако говорить о локальном свертхтексте как о феномене, порождающем знаковое единство, характеризующееся монолитностью смысловой установки, можно не всегда. К необходимым условиям функционирования подобных образований следует отнести мифоцентричность городского пространства, устойчивость и повторяемость историко-культурных реалий, семантизацию топосов, модальную целостность. В связи с этим особую актуальность приобретают работы, посвященные анализу вариантов урбанистического текста в региональной литературе.

История вопроса. Наиболее исчерпывающее определение свертхтекста принадлежит отечественному филологу Н. Меднис, которая под ним подразумевает «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [5, с. 13]. Поэтика города в словесном искусстве рассматривается в контексте исследований урбанистического мифа в русской литературе В. Топоровым [8], Б. Успенским [9], Ю. Лотманом [4] и другими учеными тартуско-московской и питерской школ, которые заложили основу понимания онтологической природы городской топографии. Волго-Каспийская поэтическая геопанорама впервые выступила объектом научного описания в монографии А. Боровской и Д. Бычкова о творчестве Б. Шаховского, астраханского поэта

1950–1960-х гг. [2]. Авторы вводят в теоретический обиход понятие «Астраханский текст» по аналогии с уже известными локальными разновидностями и проводят параллель с «водным городом» [6].

Методы исследования. Продуктивным для настоящей работы представляется сочетание семиотического подхода к выявлению основных топосов Астраханского текста и структурного анализа его компонентов в цикле Б. Шаховского. В статье также использованы мифопоэтическая и интертекстуальная стратегии интерпретации текста с целью обнаружения соответствующих кодов художественного высказывания.

Результаты исследования. Художественное воплощение образов Волго-Каспия и Астрахани в поэтических произведениях Б. Шаховского определяется принципами традиционалистской поэтики. Вместе с тем городской хронотоп в лирике Б. Шаховского формирует единство, раскрывающееся в культурно-исторических координатах и обладающее мифогенным потенциалом.

Важную роль в формировании регионального текста в творчестве Б. Шаховского играют «Стихи об Астрахани». Цикл состоит из четырех

стихотворений, каждое из которых воссоздает определенный период в становлении родного края. Между тем значимым для внутренней архитектоники текста является его разделение на две части, основанное на антитезе образов старого и нового города. В качестве макросюжета выступает жизнеописание лирического героя, встроенное в общую канву истории Астрахани.

В первом произведении цикла образ столицы российского Прикаспия показан в ретроспективе. Автор акцентирует внимание на таких историко-мифологических ассоциациях, как «Астрахань – ссыльный город» («И только за окнами *ссылных* / До зорь доживали они»; «Вести за *опальными* слежку...» [11, с. 138]), «Астрахань – город смерти и болезней» («И город <...> выставлялся в пример / Зловещим оскалом *холер*»; «А по ночам вдоль улиц деревянных / Гудел раздутый ветрами *пожар*» [11, с. 139]), которые моделируют художественную картину мира в экзистенциальных проекциях: город становится символическим эквивалентом духовной опустошенности. Неслучайно ключевыми являются образы зноя, ветра и песка и коррелирующие с ними мотивы проклятия и упадка дореволюционной Астрахани:

Так грязный город жил под солнцем знойным,
Исхлестанный ветрами и песком... [11, с. 140]

В первом стихотворении цикла противопоставлены образы сказочно-мнимой Астрахани и «города, безжалостно гневного». Топос Нижне-Волжского края, сложившийся в национальном

сознании, раскрывается в русле фольклорной традиции. Городское пространство изображается как мифическая страна обилия:

По-разному пелись баллады,
Но все прославляли одно:
Бессчетные волжские клады,
Безмерное рыбное дно. [11, с. 138]

Б. Шаховский использует прием гиперболы, подчеркивая чрезмерность благополучия, характеризующего сказочный хронотоп. По аналогии с известным идиоматическим выражением «золотое дно», означающим «неисчерпаемый источник обогащения» [10, с. 214], поэт создает авторский неологизм «рыбное дно» со схожей семантикой. Между тем словосочетание «волжские клады» отсылает к народным легендам о сокровищах Степана Разина, зарытых на Волжской земле. Таким образом, Б. Шаховский выстраивает перечислительный ряд, состоящий из

стереотипов восприятия Астраханского края в когнитивной карте современного ему читателя. В то же время оксюморон «безмерное дно», основанный на пространственной антиномии «безграничность / ограниченность», связан с образом «дна жизни» из известной пьесы М. Горького (не случайной в этом плане представляется метафора ночлежки в девятой строфе), что позволяет сделать вывод о демифологизации образа ретроспективной Астрахани как Золотого или Подводного царства:

И только манящие сказки
О нем по России плели [11, 138].

Мотив дремоты, сна, а также оппозиция «условно-поэтический город-парадиз и город с “хмельной улыбкой харчевен”» обнаруживают типологическое сходство с топическими единицами в стихотворении А. Блока «Русь»:

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почишь, Русь [1, с. 133].

Парадегматически близки ключевые образы «песни грусти, горя и печали», «заплаканный голос шарманки», который «подпевал ветрам» (первое и второе стихотворения цикла Б. Шаховского) и «песни ветровые» (стихотворение «Россия» А. Блока). Вместе с этим традиция изображения «пьяной Руси» восходит к творчеству Н. Некрасова (глава «Пьяная ночь» в поэме «Кому на Руси жить хорошо»), А. Блока («Осенняя воля»), А. Белого («Веселье на Руси»), С. Есенина («Москва кабацкая»), М. Волошина («Русь гулящая») и др.:
Сравните у Б. Шаховского:

...Швыряли они на весы
Мгновения буйных пирушек... [11, с. 138];
Молчало все,
Лишь матерно и пьяно
Горланил пестрокрашенный базар... [11, с. 139].

Мотив пути выполняет циклообразующую функцию и обуславливает использование кольцевой композиции в тексте. В первых и последней строфах интенциональность и динамизм являются организующими факторами, однако вектор движения противоположен: к «прославленному» городу-мечте и *от* города «пыльных улиц», «миражной радости» и «ватаг прогнанных и душных». В первой части стихотворения Астрахань предстает «богатой приманкой», к которой «стекался», «спускался российский народ». В последнем четверостишии образ родного города соотносится с топосом «проклятого места» (точно вспомнить прозу Н. Гоголя, Ф. Достоевского, М. Булгакова, К. Вагинова и др.), которое обладает мистическим воздействием на субъекта, препятствующим его стремлению вырваться за границы замкнутого пространства:

Стремилась к счастливым причалам,
От горя и голода прочь,
Но их ни на шаг не пускала
Прибитая звездами ночь... [11, с. 138].

Расширение и символизация статичного хронотопа («И рано на улицах пыльных, / Чадя, умиралли огни» [11, с. 138]) происходят за счет обращения автора к онтологическим образам, а экспрессивная метафора придает городу свойства метафизического «лабиринта».

Мотив сна, наделенный моральной семантикой, обрамляет текст («Наш город, дремавший в пыли...» [11, с. 138] – первая строка, «Храпя, отпльвали ко сну...» [11, с. 138] – последняя).

Используя исторические аллюзии (эпидемии холеры, многочисленные пожары, уничтожившие деревянные дома в Астрахани), Б. Шаховский выводит на первый план эсхатологический сюжет, подчеркивая тем самым эфемерность и ограниченность во времени города-призрака. Двойной миф о творении и разрушении свидетельствует о зеркальном принципе построения Астраханского текста в цикле.

Во втором стихотворении образ родного города воссоздается в соответствии с эстетическими установками критического и социалистического реализма, к которым можно отнести обличительный пафос, изображение социально-политических противоречий («Сер и невелик, / Лежал мещанский тихий городишко...» [11, с. 139]), открытую авторскую модальность («Так грязный город жил под солнцем знойным...» [11, с. 140]), бытописание («В просохших лужах проступает соль» [11, с. 139]). Обилие эмоционально-оценочных эпитетов, использование суффикса со значением пренебрежения (-ишк-), обыгрывание перифрастического и метафорического сочетаний, основанных на преувеличении («Пропахший рыбой астраханский день», «Верблюды <...> / Шагали вровень с крышами домов» [11, с. 139]) и контекстуальное семантическое удвоение («В чешуйных блестях дремлющий тупик» [11, с. 139]), – все это служит средством художественного воплощения

негативного варианта астраханского мифа. Во втором фрагменте цикла абстрактное время, «абсолютное прошлое» конкретизируется, обретает личностное, антропологическое измерение за счет введения элементов автобиографического дискурса: «Сюда отец пришел еще мальчишкой...» [11, с. 139].

Многослойность художественной картины мира реализуется в исторических («Их на плотках по Волге к нам на плотках сплавляли / От всех больших и малых пристаней...» [11, с. 140]), символических («Он (пожар – А.Б.) дико рвал ночных набатов струны / И жрал кварталы, словно сухари» [11, с. 139]), геопоэтических («Переступая тяжело, неровно, / Верблюд волок свою большую тень» [11, с. 139]), бытовых («От зноя гнулись тротуаров доски» [11, с. 139]) описаниях.

Во втором стихотворении образ Кремля организует оппозицию «свое – чужое»:

И только кремль задумчивый и стройный,
Казался лишним, пришлым чужаком [11, с. 140].

Между тем аксиологическое соотношение в паре инверсионно и парадоксально. Отчужденность и инаковость – авторские характеристики Кремля, ценность которого вне времени (в третьем стихотворении его образ повторяется: «Все тот же кремль дежурит на горе» [11, с. 140]), – переосмысливаются. Он становится центром духовного пространства памяти, окультуренного локуса. Образ «мещанского тихого городишка», напротив, наполняется отрицательными коннотациями. В. Топоров отмечал, что существуют два типа освоения «дикого» пространства – органичный и неестественный. Астраханский Кремль в цикле Б. Шаховского является «точкой иррадиации» [8, с. 333], рукотворным космосом, ему противостоит хаос пустыни, представленный мотивами «солнца знойного», «раскаленной дороги», ветра и песка, которые придают городу inferнальный облик.

Вторая часть цикла противоположна первой, один из показателей антитезы – прием умолчания, который вынесен в сильную позицию – абсолютный конец текста первого и второго фрагментов – и свидетельствует о незавершенности исторических метаморфоз, происходящих с родным городом поэта.

В третьем стихотворении намечаются изменения и в субъектной сфере: автор вводит лирическое «я», повествование приобретает более

интимный характер: «Теперь растут моих друзей мальчишки» [11, с. 140]. Автобиографический сюжет служит своеобразной скрепой, объединяющей фрагменты в единое целое, в качестве циклообразующих связей выступают композиционные повторы и текстовые переключки: «Сюда отец пришел еще мальчишкой...» (второе стихотворение, [11, с. 139]) / «Теперь растут моих друзей мальчишки» (третье стихотворение, [11, с. 140]); «Лежал мещанский тихий городишко...» (второе стихотворение, [11, с. 139]) / «А где ж мещанский, тихий городишко?..» (третьего стихотворение, [11, с. 140]); «Лишь оставались на ногах чугунных / Огнем не тронутые фонари» (второе стихотворение, [11, с. 139]) / «С чугунными ногами фонарей?» (третье стихотворение, [11, с. 140]). Архитектоника метажанрового образования обусловлена логикой временного потока: Б. Шаховский совмещает два плана – прошлое и настоящее Астрахани. Подобная темпоральная организация объясняет смену грамматического прошедшего времени в первой части цикла («пришел», «гнулись», «плели», «ведал») настоящим во второй («растут», «бьют», «машет»).

Последнее стихотворение является кульминационным в развитии макросюжета, который восходит к космогоническому мифу, широко распространенному в советской литературе 1920–1950-х гг. Его схема, сочетающая языческие и

библейские элементы, включает в себя деструктивный (разрушение старого мира) и конструктивный (сотворение нового) этапы: «Поднимается солнце над миром, / Волга светится в этот час... / Вот он – город, в котором Киров / Обязательно встретит нас» [11, 141]. Революция, отождествляемая с бытийным катаклизмом, – та преобразующая сила, которая возрождает умирающий город. Б. Шаховский указывает на социальные причины катастрофы: «Деньгой набивали лари, / Миражную радость сбывали / Священники и шинкари» [11, с. 138]. Сторонники и противники революции одинаково воспринимают ее как трагедию планетарного масштаба: отсюда обращение к лейтмотивным образам пожара, землетрясения, бури, потопа. В этой связи пожар, охвативший деревянную Астрахань, в произведении Б. Шаховского можно рассматривать и как исторический факт, и как конструкт мифа о смене веков.

Особую роль в «Стихах об Астрахани» играет образ солнца. В цикле Б. Шаховского его семантика амбивалентна. Во втором стихотворении солнце ассоциируется с ситуацией апокалипсиса, в последнем тексте актуализировано его архаическое жизнеутверждающее значение. Смысловой потенциал образов солнца и пожара генетически связан с символикой поэзии Пролеткульта, где они олицетворяют идею радикального космического обновления: «Новое солнце миру несет, /

Он не близко на пристани нашей,
За домами,
Но видится мне –
Он рукой нам приветливо машет,
А другая рука на ремне [11, с. 141].

В противоположность источнику, воссоздающему «миф о губительной статуе» [12, с. 149] и антигуманной власти, стихотворение Б. Шаховского демонстрирует «сдвиг от неодушевленного к одушевленному», что является отражением принципиально иных отношений между «человеком советским» и государством, в контексте которых С. Киров – персонификация поэтических замыслов автора об идеальном руководителе. Мотив встречи, закольцовывающий «Стихи об Астрахани», возвращает к первому стихотворению, которое служит отправной точкой в странствии к конечному пункту назначения сквозь пространство и время. Символическая

Рушит троны, темницы...»; «Пламень струит очистительный» (В. Кириллов «Железный миссия», [7, с. 73]); «Вонзимся в старый мир Стожар, / В созвездиях белых Ориона / Взвихрим восстания пожар» (М. Герасимов «Мы победим», [3, с. 19]). В четвертом фрагменте цикла обобщенный субъект речи воплощает коллективное сознание, традиционное для советской поэзии: «Раньше всех проснется Киров / И, наверное, встретит нас» [11, с. 141]. Движение повествования от безличного субъекта к обобщенно-личному способствует его лиризации и соответствует динамике преобразования комплекса мортальных мотивов в витальные, что соотносится, согласно авторской концепции, с изменениями в истории Астрахани.

Центром образной системы стихотворения «По воде бьют ладошами плицы...», завершающего «Стихи об Астрахани», становится фигура С. Кирова. Он изображен одновременно и как политический деятель, благодаря которому была установлена Советская власть в Астраханской области, и как одноименный памятник в центре города. Используя прием экфрасиса, Б. Шаховский детально описывает скульптуру, олицетворяющую новую страницу в городской истории. Образ Кирова вызывает в памяти архетипический мотив оживления статуи, который восходит к поэме А.С. Пушкина «Медный всадник»:

многомерность образа Астрахани эксплицируется посредством его колористических характеристик, оппозиция хроматических («Наплывают рассветные краски / Над летящее знамя кремля...» [11, с. 141]) и ахроматических («Сер и невелик, / Лежал мещанский тихий городишко...» [11, с. 139]) цветов соответствует композиционной антитезе.

Выводы. Феномен Астраханского текста в цикле Б. Шаховского представлен следующими уровнями: рецептивным (создание единой поэтической топографии), интертекстуальным (актуализация литературных аллюзий и реминисценций) и архетипическим (обращение к

различным мифологическим и фольклорным контекстам). В качестве циклообразующего фактора в «Стихах об Астрахани» выступает макросюжет, объединяющий две линии – исторические метаморфозы родного для поэта города и биографию лирического субъекта. Пространственно-временная организация цикла, его архитектоника и субъектная сфера подчинены принципу со-противопоставления двух планов – прошлого и настоящего Астрахани.

1. Блок, А. А. Избранные произведения. – Л.: Художественная литература, 1959. – 421 с.
2. Боровская, А. А., Бычков, Д. М. Художественная картина мира в поэзии Б. Шаховского. – Астрахань: Издательство Астраханского государственного технического университета, 2019. – 168 с.
3. Герасимов, М. Железные цветы. Стихи. – Самара: Центропечать, 1919. – 96 с.
4. Лотман, Ю. М. Город и время // Метафизика Петербурга. – СПб.: ФКИЦ «ЭЙДОС», 1993. – С. 84–94.
5. Меднис, Н. Е. Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие. – Новосибирск: НГПУ, 2003. – 170 с.
6. Милюгина, Е. Г., Строганов, М. В. Водный текст Верхневолжья // Вестник ТвГУ. – 2014. – Серия: Филология (3). – С. 85–91.
7. Поэты – Революции. Русская поэзия первых десятилетий Советской власти о Великом Октябре. – М.: «Правда», 1987. – 574 с.
8. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.
9. Успенский, Б. А. Поэтика композиции. – СПб.: Азбука, 2000. – 348 с.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А. И. Федоров. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 878 с.
11. Шаховский, Б. М. Стихи о нашей любви. – М.: Издательство «Художественная литература», 1971. – 182 с.
12. Якобсон, Р. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон, Р. Работы по поэтике: Переводы. – М.: Прогресс, 1987. – С. 145–181.

THE NATIVE CITY HISTORY AS A MACRO PLOT OF B. SHAKHOVSKY'S CYCLE OF "POEMS ABOUT ASTRAKHAN"

© 2023 A.A. Borovskaya

*Anna A. Borovskaya, Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor,
Professor of the Department of Literature,*

E-mail: borovskaya-anna@bk.ru

*Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev
Astrakhan, Russia*

The research object are constant elements of urban space in B. Shakhovskiy's cycle "Poems about Astrakhan". The article studies the main hallmarks of Astrakhan text, which form the plot of a super-genre unity. The key images and motifs of cycle not only reflect the topography of the capital of the Caspian Sea, its biogeographic, cultural features and architectural appearance, but also reveal the semiotic potential of the city, combining two types of chronotope – water / river and desert. Folk legends and ideas about Astrakhan as a border space form the macro plot. Historical metamorphoses, defining changes in the image of the poet's native land in the context of destructive and creative Soviet mythology, play a special role in the dynamics of the lyrical narrative. The motif of the path performs a structure-forming function in the text of B. Shakhovskiy. The architectonics of the text is governed by the principle of juxtaposition of two time layers – past and present. Change of subjects of speech in the poems of the cycle, movement from neutral to "I"- and "we"-narrative is stipulated by conjugation of two storylines: historical and biographical. The research methodology involves a combination of semiotic and structural approaches to the text, methods of motivic, intertextual and mythopoetic analysis. *Keywords:* macroplot, B. Shakhovskiy, cycle, Astrakhan text, semiotics, local overtext, myth, architectonics, composition, image, motif, topos

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-92-72-78

EDN: OAOFVJ

1. Blok, A. A. Izbranny'e proizvedeniya (Selected works). – L.: Khudozhestvennaya literatura, 1959. – 421 s.
2. Borovskaya, A. A., By'chkov, D. M. Khudozhestvennaya kartina mira v poe'zii B. Shakhovskogo (Artistic picture of the world in the poetry of B. Shakhovskiy). – Astrakhan': Izdatel'stvo Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2019. – 168 s.
3. Gerasimov, M. Zhelezny'e czvety' (Iron flowers). Stikhi. – Samara: Czentropechat', 1919. – 96 s.
4. Lotman, Yu. M. Gorod i vremya (City and time) // Metafizika Peterburga. – SPb.: FKICZ «E'JDOS», 1993. – S. 84–94.

5. Mednis, N. E. Sverkhteksty' v russkoj literature (Supertexts in Russian literature): uchebnoe posobie. – Novosibirsk: NGPU, 2003. – 170 s.
6. Milyugina, E. G., Stroganov, M. V. Vodny'j tekst Verkhnevolzh'ya (Water text of the Upper Volga region) // Vestnik TvGU. – 2014. – Seriya: Filologiya (3). – S. 85–91.
7. Poe'ty – Revolyuczii. Russkaya poe'ziya pervy'kh desyatiletij Sovetskoj vlasti o Velikom Oktyabre (Poets - Revolutions. Russian poetry of the first decades of Soviet power about the Great October). – М.: «Pravda», 1987. – 574 s.
8. Toporov, V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoe'ticheskogo (Myth. Ritual. Symbol. Image. Studies in the field of mythopoetic: Selected): Izbrannoe. – М.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995. – 624 s.
9. Uspenskij, B. A. Poe'tika kompozicii (Poetics of composition). – SPb.: Azbuka, 2000. – 348 s.
10. Frazеologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazy'ka (Phraseological dictionary of the Russian literary language) / Sost. A. I. Fedorov. – М.: AST: Astrel', 2008. – 878 s.
11. Shakhovskij, B. M. Stikhi o nashej lyubvi (Poems about our love). – М.: Izdatel'stvo «Khudozhestvennaya literatura», 1971. – 182 s.
12. Yakobson, R. Statuya v poe'ticheskoi mifologii Pushkina (Statue in Pushkin's poetic mythology) // Yakobson, R. Raboty' po poe'tike: Perevody'. – М.: Progress, 1987. – S. 145–181.